

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ПАДЕЖА И ПОСЕССИВНОСТИ В СИСТЕМЕ СУБСТАНТИВНОГО СКЛОНЕНИЯ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Г.А. Некрасова

Морфологическая структура слова пермских языков типологически не отличается от структуры слова родственных языков финно-угорской семьи: абсолютное большинство слов строится по схеме: корень – словообразовательный суффикс – формообразовательный и (или) словоизменятельный суффикс. Характерными для пермских языков являются простые по структуре слова: одно- (равные корню), двухморфемные, имеющие один словообразовательный или словоизменятельный суффикс. Высокую частотность имеют также словоформы со структурой «корень – словообразовательный суффикс – словоизменятельный суффикс и корень – словоизменятельный суффикс – словоизменятельный суффикс» (Баталова 1990: 35–36; Федюнева 1992: 26–27). Большинство словоизменятельных суффиксов имеют одно грамматическое значение, ввиду чего при выражении двух и более грамматических значений используется столько же суффиксов. Присоединение морфем в слове происходит в определенной последовательности, однако в субстантивных словоформах последовательность словоизменятельных суффиксов может варьироваться: порядок следования показателей категорий в максимальной модели имеет три комбинации: R-(...)-Pl-Cx-Px, R-(...)-Pl-Px-Cx и R-(...)-Px-Pl-Cx*. Показатель числа в большинстве случаев занимает крайне левую позицию, тогда как порядок следования показателей падежа и посессивности относительно друг друга варьируется: Cx может занимать пост- и препозицию относительно Px. Имеющиеся на сегодняшний день описания падежно-посессивных парадигм, представленные в грамматиках пермских языков,

* Символы: R – корень, Pl – множественное число, Cx – падеж, Px – посессивный суффикс, PxSg – посессивные суффиксы индивидуального обладателя, PxPl – посессивные суффиксы коллективного обладателя. В скобках располагаются слово- и формообразовательные морфемы.

не всегда совпадают (см. Wiedemann 1884: 135–139; Саввантов 1849: 42–43; Рогов 1860: 35–42; Лыткин 1925: 46–49; Емельянов 1927: 128–135; Лыткин 1929: 20–23; Майшев 1940: 28–38; Удморт 1924: 25–44). Различно описана позиционная характеристика некоторых падежей: в коми-зырянском языке позиция комитатива, абессива, аппроксиматива, эгрессива, пролатива; в коми-пермяцком – позиция местных падежей, абессива и комитатива; в удмуртском – позиция адвербиала, терминатива, аппроксиматива, пролатива. Такие случаи можно объяснить отчасти диалектными различиями, ибо грамматики XIX – начала XX в. были составлены на основе разных диалектов. Несмотря на то, что материал не всегда имеет точные территориальные привязки, приведенные диалектные факты ценны и интересны, тем более, что некоторые из грамматик содержат сравнительное описание морфологических особенностей диалектов пермских языков. Судя по материалам современных грамматик пермских языков, позиционная характеристика падежей в литературных языках в общих чертах совпадает: падежи имеют стабильную позицию относительно Рх, исключение составляет *аппроксиматив* в коми-зырянском языке. Показатели объектных падежей (*генитива, аблатива, датива, аккумулятива* во всех пермских языках, *комитатива, консекутива, компаратива* в коми языках, *абессива* в коми-пермяцком и удмуртском языках), а также *аппроксиматива* (в коми-пермяцком и удмуртском языках) и *эгрессива* (в коми-пермяцком языке) располагаются после посессивного суффикса. Показатели *инессива, илллатива, элатива, пролатива, терминатива* и *инструментала*, в удмуртском языке также *эгрессива*, располагаются перед посессивным суффиксом. В коми-зырянском языке показатель *аппроксиматива, эгрессива* и *абессива* предшествует посессивному, альтернативную позицию он занимает только при Рх1Sg (ГСУЯ: 88–89; КПЯ: 202; СКЯ: 151; ÖKK: 61).

В статье верифицируется позиционная характеристика падежей, получивших различное описание, далее на основе полученных результатов предпринята попытка установления основных тенденций развития сочетаемости морфем.

Анализ собранного из диалектных, фольклорных и художественных текстов материала показал, что в пермских языках субстантивные словоформы в максимальной модели употребляются крайне редко. Из посессивных суффиксов наиболее употребительны Рх2Sg и Рх3Sg, что объясняется их семантикой: они могут выражать посессивное и непосессивные значения. Остальные суффиксы имеют низкую частотность, словоформы с некоторыми комбинациями обнаружить не удалось. Большинство падежей, в том числе и те, позиционная характеристика которых получила различное описание, имеют стабильную позицию относительно других граммем.

В коми-зырянском языке (Юшков 1981; Торопов 2003; Рочев 2007; Куратов 1979; Чисталев 2010; Тимин 2012;) *комитатив* всегда стоит после Рх, *терминатив, пролатив* и *абессив* – перед Рх, в случае *абессива* Рх1Sg предшествует падежу. Позиция *эгрессива* и *аппроксиматива* варьируется: падежи могут располагаться после Рх1Sg, перед РхPl, но могут стоять перед и после

Px2Sg и Px3Sg: аппроксиматив: *пицальыслань* и *пицальланьыс* «к своему (его) ружью», *айланьыс* и *батьыслань* «к его отцу», эгрессив: *айыссянь* «от его отца», *мамсяньыс* «от своей (его) матери». Между тем, для каждого из этих падежей доминирующей является позиция перед Px. Ср. аппроксиматив располагается перед Px в 67 словоформах, после Px – в девяти, эгрессив перед Px – в 224 словоформах, после Px – в одной.

Почти аналогична ситуация в коми-пермяцком языке (Минин 1962; Климов 1968; Фадеев 1989; Федосеев 1994; Баталов; Перем). *Комитатив* и *абессив* располагаются после Px, местные падежи, кроме *эгрессива* и *аппроксиматива II*, предшествуют Px. Позиция *эгрессива* и *аппроксиматива II* варьируется. Варьирование позиции эгрессива отмечается при Px2Sg, Px3Sg, Px3Pl: *уджсяняс* и *уджыссянь* «со своей (его) работы», *иньытсъянь* «от твоей жены», *велотчансянят* «из-за твоей учебы»; *спортотмыссянь* «от их спора» *гортсяняныс* «из их дома». В эгрессивных словоформах* с Px3Sg доминирует комбинация CxPx (CxPx – 216, PxCx – 43). Словоформы в приблизительно-местных падежах редко принимают посессивные суффиксы. Свободная позиция аппроксиматива II наблюдается в контексте с Px3Sg с доминированием комбинации PxCx (PxCx – 25; CxPx – 18): *айысланьё* «в сторону его отца», *дозмёрысланьё* «в сторону глухаря», *другысланьё* «в сторону его друга», *гортланяс* «в сторону его дома».

Диалекты демонстрируют более пеструю картину позиционного варьирования Cx и Px. В коми-зырянских диалектах наблюдается варьирование позиции *аппроксиматива*, *эгрессива* и *абессива*, спорадически *внутренне-местных падежей*, *инструменталья*, *консекутива*, *комитатива* (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966: 78; Жилина, Бараксанов 1971: 61; Жилина 1975: 62; Сахарова, Сельков 1976: 50–52; Сахарова, Сельков, Колегова 1976: 24; Сорвачева 1978: 38–39; Колегова, Бараксанов 1980: 32–33; Сорвачева, Безносилова 1990: 37–38; Жилина 1998: 61; Сажина 2004: 239–241; ССКЗД: 467–468). В случае *инессива*, *иллатива*, *элатива* и *инструменталья* в абсолютном большинстве словоформ отмечается морфопорядок CxPx, который следует считать основным и исходным, ибо в удмуртском и коми-пермяцком языках показатели падежа и посессивности имеют строго фиксированную позицию – CxPx (КПЯ: 202; ГСУЯ: 88–89). В лузско-летском, среднесысольском и присыктывкарском диалектах отмеченные падежи при Px2Sg и Px3Sg могут занимать также альтернативную позицию в словоформе. Первые фиксации таких словоформ относятся к середине XX в. (Жилина, Бараксанов 1971: 71; Колегова, Бараксанов 1980: 31; Жилина 1985: 43). Варьирование позиции консекутива обнаруживается в смежных диалектных ареалах: верхневьегодском (при Px3Sg и Px1Pl), присыктывкарском (при Px3Sg), среднесысольском (при Px3Sg) диалектах и в летских говорах (при Px1Sg). Комитатив в абсолютном большинстве диалектов располагается после Px, варьирование его позиции наблюдается только в ижемском диалекте при Px1Sg и Px2Sg:

* Словоформы с Px2Sg и Px3Pl единичны.

для неодушевленных существительных характерна комбинация СхРх, для одушевленных – комбинация РхСх: *кэрка-кэд-э* «с моим домом», *мам-э-кэд* «с моей матерью» (Сахарова, Сельков 1976: 70; 51).

Абессив, *аппроксиматив* и *эгрессив* могут стоять перед и после каждого Рх. Последовательное колебание позиции *абессива* наблюдается в вымском и удорском диалектах, тогда как в летских говорах – только при РхPl, в остальных диалектах – еще реже: в верхневыхегодском – при РхlPl и Рх3Pl, в ижемском – при РхlSg и РхlPl, в верхнесысольском – при Рх3Sg, в нижневыхегодском – при РхlSg (табл. 1). В печорском, среднесысольском и присыктывкарском диалектах падеж имеет стабильную позицию, в первых двух Сх располагается после Рх, в присыктывкарском диалекте РхSg предшествует Сх, тогда как РхPl, наоборот, стоит после Сх. В каждом диалекте *абессив* всегда может следовать за РхlSg. Последовательное варьирование позиции *аппроксиматива* наблюдается в вымском, удорском, среднесысольском диалектах, исключения составляют словоформы с РхlSg и Рх2Sg. В ижемском и верхневыхегодском диалектах позиция падежа варьируется при РхSg, в печорском – при Рх2Sg, Рх3Sg, Рх2Pl, в летских говорах – при РхlSg. Позиция падежа относительно Рх стабильна в нижневыхегодском (СхРх), присыктывкарском (при Рх2Sg и Рх3Sg комбинация СхРх, в остальных случаях – РхСх) и верхнесысольском (СхРх) диалектах. *Аппроксиматив* в каждом диалекте всегда может располагаться после РхlSg и перед Рх2Sg и Рх3Sg (табл. 2). Варьирование позиции *эгрессива* наблюдается последовательно в удорском, вымском диалектах, в ижемском – при РхSg, в среднесысольском диалекте – при РхPl и Рх3Sg, в присыктывкарском диалекте и в летских говорах – только при РхlSg (табл. 3). *Эгрессив* в каждом диалекте всегда может стоять после РхlSg и перед Рх2Sg и Рх3Sg, как и в случае показателя *аппроксиматива*.

Таблица 1

Порядок следования Сх и Рх в абессивных словоформах

Лицо и число Рх Диалекты/язык		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские	вым.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	уд.	РхСх СхРх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	вв.	РхСх	РхСх	СхРх	РхСх СхРх	СхРх	РхСх СхРх
	лет.	РхСх	СхРх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	иж.	РхСх	РхСх СхРх	СхРх	РхСх СхРх	СхРх	СхРх

Лицо и число Рх Диалекты/язык		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские	вс.	–	СхРх	РхСх СхРх	–	–	–
	нв.	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	печ. сс.	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
	скр.	РхСх	РхСх	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх
Коми-пермяцкие	мл. ки. ни. онык.	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
	кк.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
Коми-язвинское наречие		РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
Удмуртский		РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх

Таблица 2

Порядок следования Сх и Рх в аппроксимативных словоформах

Лицо и число Рх Диалекты/язык		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские	уд. вым.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	сс.	РхСх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	печ.	РхСх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	РхСх СхРх	СхРх
	вв.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	иж.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх	РхСх	РхСх
	лп.	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	нв.	–	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	скр.	РхСх	СхРх	СхРх	РхСх	РхСх	РхСх
	вс.	–	СхРх	СхРх	–	–	–
Коми-пермяцкие	кк. ки. ни. онык.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	мл.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Коми-язвинское наречие		РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх
Удмуртский		РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх	РхСх

Порядок следования Сх и Рх в эггессивных словоформах

Лицо и число Рх Дialeкты/язык		Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Коми-зырянские	уд. вым.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	сс.	РхСх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	иж.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	лп. скр.	РхСх СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	нв.	—	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	вв. печ.	РхСх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
	вс.	—	СхРх	СхРх	—	—	—
Коми-пермяцкие	кк. ки. ни. оньк.	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
	мл.	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх
Коми-язвинское наречие		СхРх	СхРх	СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх	РхСх СхРх
Удмуртский		СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх	СхРх

В древнекоми текстах словоформы в *абессиве*, *аппроксимативе* и *эггессиве* с притяжательными суффиксами не засвидетельствованы, в опубликованных и рукописных диалектных текстах они встречаются крайне редко*, что затрудняет определение доминирующего варианта без проведения дополнительных исследований. Опрос** носителей диалектов показал, что в формах *эггессива*, *аппроксиматива* и *абессива* порядок Рх и Сх относительно свободный. Результаты опроса и анализа диалектных источников свидетельствуют о том, что в большинстве коми-зырянских диалектов в форме *эггессива*, *аппроксиматива* и *абессива* доминирует порядок СхРх. Показатель *эггессива* и *аппроксиматива* в каждом диалекте всегда может располагаться после Рх1Sg и перед Рх2Sg и Рх3Sg, такая тенденция в целом характерна и для абессива.

* Ср. результаты исследования 3032 стр. машинописного текста диалектного материала, находящегося в Научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН: *аппроксиматив* – 10, *эггессив* – семь, *абессив* – семь. Автор выражает благодарность Н.И.Гуляевой за помощь в сборе материала.

** Опрос проводился среди носителей удорского, ижемского, среднесысольского, верхневычегодского, присыткывкарского, нижневычегодского диалектов в 2006–2008 гг. В целях получения достоверной и надежной информации в одной и той же группе информантов опрос проводился дважды с промежутком в год. В единичных случаях были получены разные результаты при повторном опросе одного и того же информанта.

Подобная картина обнаруживается в коми-пермяцких диалектах. В косинско-камском диалекте свободный порядок следования суффиксов представлен в формах *абессива*, *аппроксиматива*, *эгрессива* (Дмитриева 1998: 86), в южных (оньковском, нижнеиньвенском, кудымкарско-иньвенском) – в формах *пролатива*, *терминатива*, *аппроксиматива*, *эгрессива*, *альтитерминатива* и *поверхностно-местных падежей** (Баталова 1990: 87–89; 1995: 80–81; 2002: 72–73) (табл. 1, 2, 3). В грамматике Н. Рогова, а также Ф. Видемана засвидетельствовано варьирование позиции всех местных падежей (Рогов 1860: 35–42; Wiedemann 1884: 135–139). Однако в печатных текстах XIX–XX вв. (Евангелие 1866; Евангелие 1882; Пушкин 1899; Попов 1904) словоформы с вариативной комбинацией Rх и Sх обнаружить не удалось. Достоверность грамматических описаний напрямую связана с аутентичностью исходного языкового материала, но проверить достоверность информации не всегда представляется возможным, так как в основу первых грамматик была положена разговорная речь, позднее начали использоваться бумажные носители языковой информации. Можно предположить, что в грамматиках, особенно в первых изданиях, могут быть искусственно созданные формы.

В коми-язьвинском наречии свободный порядок засвидетельствован только в формах *эгрессива* в контексте с RхPI, *аппроксиматив* и *абессив* в каждом случае следуют за Rх (Лыткин 1961: 46).

В грамматических описаниях удмуртского языка отмечалась возможность варьирования позиции *адвербиала*, *аппроксиматива*, *терминатива*, *пролатива* (1)–(4), в работах последующих исследователей содержится указание только на свободную позицию *адвербиала* (Емельянов 1927: 135; Яковлев 1930: 23; Алатырев 1937: 7; Fokos-Fuchs 1954: 144–145; Алатырев 1983: 570; Едыгарова 2010: 110). Колебание позиции *аппроксиматива* и *пролатива* засвидетельствовано при RхSg, варьирование позиции двух других падежей не обусловлено числом и лицом Rх.

(1) *аппроксиматив*:

Rх1Sg -э-лан' ~ -лан'а-м

Rх2Sg -эд-лан' ~ -лан'а-д

Rх3Sg -эз-лан' ~ -лан'а-з

Rх1PI -мы-лан'

Rх2PI -ды-лан'

Rх3PI -зы-лан'

(2) *терминатив*

Rх1Sg -оз'а-м ~ -э-оз'

Rх2Sg -оз'а-д ~ -эд-оз'

Rх3Sg -оз'а-з ~ -эз-оз'

Rх1PI -оз'а-мы ~ -мы-оз'

Rх2PI -оз'а-ды ~ -ды-оз'

Rх3PI -оз'а-зы ~ -зы-оз'

(3) *пролатив*

Rх1Sg -(э)ти-м ~ -ти-м

Rх2Sg -(э)ти-д ~ -эд-ти

Rх1PI -эти-мы

Rх2PI -эти-ды

* В работах, описывающих диалекты коми-пермяцкого языка, приблизительно-местные падежи, показатель которых содержит коаффикс *-лань*, не описываются. Поэтому при констатации факта варьирования позиции *аппроксиматива*, скорее всего, были приняты во внимание формы с *аппроксимативом* II.

Px3Sg -(ə)ми-з ~ -эз-ми

Px3Pl -эти-зы

(4) адвербиаль

Px1Sg -э-йа ~ -йа-м

Px1Pl -мы-йа ~ -йа-мы

Px2Sg -эд-йа ~ -йа-д

Px2Pl -ды(-мы)-йа ~ -йа-ды

Px3Sg -эз-йа ~ -йа-з

Px3Pl -зы(сы)-йа ~ -йа-зы

Позиционная характеристика Сх в удмуртских диалектах совпадает с ее характеристикой в литературном языке (ср. в Тепляшина 1970: 174–176; Архипов 1978: 18–21; Карпова 1997: 92–97). В исследованных нами диалектных и художественных текстах (Кельмаков 1981; Кельмаков 1990; Герд 1997; Карпова 2005) случаи вариативного следования Рх и Сх обнаружить не удалось.

На основе представленного материала можно заключить, что в пермских языках падежи в зависимости от позиционной характеристики их показателя можно разделить на три группы:

1) падежи, имеющие *строгий* порядок следования суффикса относительно Рх, т.е. словоформы имеют только одну комбинацию – РхСх или СхРх, изменение порядка следования суффиксов невозможно. Различаются а) словоформы с комбинацией РхСх; б) словоформы с комбинацией СхРх; в) словоформы с комбинацией РхСх и СхРх, т.е. каждая единица категории посессивности имеет фиксированную позицию в словоформе, но Рх находится в пре- или постпозиции относительно Сх. Представляется, что строгий порядок следования суффиксов с комбинацией РхСх и СхРх является результатом устранения варьирования позиции Рх и Сх.

2) падежи, имеющие *свободный* порядок следования суффикса относительно Рх. Рх и Сх могут меняться местами относительно друг друга, словоформы имеют комбинации РхСх и СхРх;

3) падежи, имеющие *смешанный* порядок следования суффикса относительно Рх: в зависимости от лица или числа Рх порядок следования падежного показателя строгий или свободный.

В свете соответствий в родственных языках следует отметить, что в зависимости от расположения падежных и посессивных суффиксов финно-угорские языки принято делить на три группы: 1) прибалтийско-финские, саамский, мордовские языки с порядком СхРх; 2) угорские языки с порядком РхСх; 3) пермские и марийский языки с порядком СхРх и РхСх. Между тем, в большинстве финно-пермских языков можно наблюдать варьирование позиции Сх и Рх в словоформе, но степень его проявления и распространенность на падежи разного времени происхождения не совпадают. Наиболее последовательно варьирование позиции Сх и Рх представлено в марийском языке. Следует отметить сходство позиционной характеристики падежей пермских и марийского языков. В марийском языке, подобно пермским, субъектно-объектные падежи, кроме датива, стоят после Рх, местные падежи предшествуют Рх, некоторые из них, как и датив, имеют свободную позицию, т.е. могут стоять перед и после Рх (Галкин 1964: 72–73; Тужаров 1987: 72; Луутонен 1996). Здесь уместно напомнить, что показатель пермско-

го аппроксиматива (-лан') и марийского датива (-лан) проявляют сходство в образовании (Основы 1974: 258).

Несмотря на имеющиеся расхождения в порядке следования падежных и посессивных суффиксов в современных финно-угорских языках, но с учетом данных самодийских языков, долгое время господствовало мнение о первичности порядка $SxPx$ в уральском (финно-угорском) праязыке (Основы 1974: 271; Хайду 1985: 238–239). В лингвистических трудах конца XX в. получила развитие идея о вариативности следования Px и Sx уже в финно-угорском праязыке и зависимость порядка от функции падежа: грамматические падежи – порядок $SxPx$, неграмматические – порядок $PxCx$ (Honti 1995: 77; Bartens 2000: 117–118). Ш.Чуч (Csúcs 2005: 203) предполагает, что в праязыке доминировал порядок $SxPx$, колебание в следовании суффиксов спровоцировала, вероятно, низкая частотность функционирования словоформ с двумя словоизменительными суффиксами, поэтому в твердом порядке следования не было необходимости. Возможно, что в праязыке при грамматических падежах вообще не могли выступать притяжательные суффиксы. Следует ли из этого, что пермские и марийский языки сохранили вариативный морфопорядок со времен финно-угорского праязыка или изменения в морфопорядке произошли в период самостоятельного развития языков? Предполагается, что субстантивные словоформы в прапермском языке могли иметь: 1) разный порядок следования суффиксов: а) порядок $PxCx$ в объектных падежах и аппроксимативе, порядок $SxPx$ в пространственных падежах и инструментале (Ю. Вихман) (Wichmann 1923–1924: 148–149); б) порядок $PxCx$ в генитиве, дативе, аблативе, консекutive, адвербиале, аккузативе, возможно, и абессиве; порядок $SxPx$ – в инструментале и во всех пространственных падежах. Возможно, что уже в прапермском отдельные падежи имели альтернации (Ш. Чуч) (Csúcs 2005: 203–204); 2) единый порядок следования суффиксов: а) порядок $SxPx$ во всех падежах (Т.Утила) (Uotila 1936: 476), так как данный порядок преобладает в современных пермских языках и представлен в более древних по образованию падежах; б) порядок $PxCx$ во всех падежах, так как данный порядок сохранился в субъектно-объектных падежах, в местных падежах произошло изменение порядка следования суффиксов под влиянием послеложных конструкций (Серебренников 1963: 128).

Уяснение исходного порядка следования суффиксов и его изменения в пермских языках осложняется тем, что остается дискуссионным вопрос о том, каковы причины появления варьирования порядка следования Px и Sx , не выявлены, существуют ли правила перестановки морфем в современных пермских языках и почему свободный порядок следования суффиксов не распространяется на все падежи. В этой связи необходимо установить наличие / отсутствия факторов, мотивирующих варьирование позиции Px и Sx относительно друг друга, в современных пермских языках. Как было отмечено выше, свободный порядок следования суффиксов сохраняется в коми диалектах. Поэтому на материале коми-зырянских диалектов мы проверили три предполагаемых параметра, которые могли бы влиять на выбор позиции

Сх и Rx: семантика и форма Rx, семантика (одушевленность / неодушевленность) существительного, к которому присоединяется Rx, наличие / отсутствие показателя множественности (Pl). При определении параметров анализировались только те словоформы, порядок следования морфологических сегментов в которых свободный – RxСх и СхRx.

1. Семантика и форма посессивного суффикса и порядок следования Rx и Сх. Посессивный суффикс в коми языке, как и в других финно-угорских языках, используется не только для выражения посессивных отношений, но и для маркирования определенности, в функции которой используются Rx2Sg и Rx3Sg. Анализ субстантивных словоформ с вариативной позицией Rx и Сх показал, что Rx в разных функциях может занимать одну и ту же позицию относительно Сх, как и Rx в одной и той же функции может занимать разную позицию относительно Сх. Так, в словоформах *m'am'эй-ö-mög* (5) и *m'am'эй-mög-ö* «без своего (моего) ребенка» (6) порядок следования Rx относительно Сх свободный, посессивный суффикс -ö стоит в пре- (5) и постпозиции (6) относительно суффикса абессива, при этом семантика словоформы не меняется. В словоформах *гор-лан'-ыс* «к своему дому» (7) и *моски-лан'-ыс* «на этот тротуар» (8) позиция посессивного показателя -ыс относительно суффикса аппроксиматива -лан' одинакова, несмотря на то, что посессивный суффикс имеет в этих словоформах разную функцию: в (7) он выражает отношение посессивности, в (8) выступает как показатель определенности.

(5) уд. *T'am'эй-ö-mög* вэтл-и «Без своего ребенка [я] ходил»

(6) уд. *T'am'эй-mög-ö* вэтл-и «Без своего ребенка [я] ходил»

(7) уд. *Гор-лан'-ыс* мун-и «Пошел [он] к своему дому»

(8) уд. *Моски-лан'-ыс* ус'ас «Упадет [он] на этот тротуар»

Анализ словоформ с комбинацией RxСх и СхRx, в которых представлены Rx2,3Sg, показал, что позиция Rx не привязана к его функции. На основе приведенного материала можно было бы заключить, что функция Rx не влияет на его позицию в словоформе. Между тем, тенденция следования Rx2Sg и Rx3Sg после Сх, а также употребление Rx перед Сх преимущественно в посессивной функции и Rx1Sg перед Сх говорит о том, что Rx в посессивной функции имеет тенденцию располагаться перед Сх, в определенно-указательной функции – после Сх.

Структура (состав фонем, порядок их следования) Rx, за исключением Rx1Sg, в коми диалектах имеет незначительные расхождения, они проявляются в наличии/отсутствии гласного (VC // C) и чередовании / корреспонденции гласных *ы* и *и*. Средством выражения отношения принадлежности единичного предмета единичному обладателю, которым является говорящий, в коми диалектах являются суффиксы -ö/-э, -öй/-эй и -(ы)м/-(и)м, последний из них имеет распространение во всех диалектах. В лузско-летском диалекте (летские говоры) он охватывает всю парадигму склонения, в остальных – только часть парадигмы: появляется с показателем инструмента и внутреннеместных падежей – иллатива, элатива и инессива. В некоторых диалектах этот посессивный суффикс возможен также в сочетании с показателями других

местных падежей: в верхневыхегодском, печорском и вымском диалектах – с показателем терминатива, пролатива, в вымском и верхневыхегодском – аппроксиматива, в присыктывкарском – эгрессива, в нижневыхегодском – терминатива (ССКЗД: 467–468; Сажина 2004: 239–241). В сочетании с отмеченными падежными показателями суффикс *-(ы)м/-(и)м*, исторически более древний, может варьировать с другим характерным для диалекта *Rx1Sg*, при этом суффиксы различаются позиционной характеристикой. Суффикс *-(ы)м/-(и)м* всегда располагается после *Cx*, тогда как альтернативный посессивный показатель может занимать пре- и постпозицию относительно *Cx*. *Rx* предшествует *Cx* в верхневыхегодском, присыктывкарском, печорском диалектах (9)–(10), свободная позиция *Rx* относительно *Cx* засвидетельствована в ижемском, удорском и вымском диалектах (11)–(12). В последнем случае наблюдается вытеснение старой формы *Rx* более новой, следствием чего явилось изменение позиционной характеристики последнего: сохраняя свою позицию, он может занимать также позицию конкурирующего суффикса. Такие изменения наблюдаются в аппроксимативных и эгрессивных словоформах, но они не распространяются на терминатив и пролатив (13)–(14), что можно объяснить фонологической структурой падежных суффиксов: показатели терминатива (*-ödz/-эдз*) и пролатива (*-öd/-эд*) имеют вокалический анлаут. Препозиция посессивного показателя *-ö/-э* относительно падежного суффикса с анлаутным гласным привела бы к контаминации посессивного и падежного суффиксов и развитию долгого гласного: *-ö-ödz > -öödz > -ödz* (в терминативе), *-ö-öd > -ööd > -öd* (в пролативе). Однако в соответствии с фонетическими закономерностями коми языка долгие гласные не употребляются в суффиксах, поэтому при предполагаемой контаминации суффиксов произошла бы синкопа одного из гласных.

(9) аппроксиматив: вв. *-эй-лан' ~ -лан'-им*

(10) эгрессив: скр. *-öй-с'ан' ~ -сан'-ым*

(11) аппроксиматив: вым. *-лан'-ö ~ -лан'-ым ~ -ö-лан'*

уд. *-лан'-ö ~ -ö-лан'*,

иж. *-лан'-э ~ -э-лан'*

(12) эгрессив: уд. *-ö-с'ан' ~ -с'ан'-ö*

иж. *-э-с'ан' ~ -с'ан'-э*

(13) терминатив: вым. *-ödz-ö ~ -ödz-ым*

(14) пролатив: вым. *-öd-ö ~ -öd-ым*

В этой связи интересен материал косинско-камского диалекта. В случае *Rx1Sg* обнаруживается явная связь позиции и суффикса: *м*-овый показатель занимает постпозицию по отношению к *Cx*, альтернативный – препозицию (Дмитриева 1998: 86) (15)–(17).

(15) абессив *-ö-mög ~ -mög-йам*

(16) аппроксиматив *-ö-лан' ~ -лан'-ам*

(17) эгрессив *-ö-с'ан' ~ -с'ан'-ам*

Аналогичная ситуация наблюдалась и в удмуртском языке: новый *Rx* употребляется в препозиции по отношению к *Cx*, старый – в постпозиции (1)–(4).

В современных коми диалектах нельзя выявить какую-то определенную закономерность, указывающую на связь числа и лица Рх с варьированием его позиции. Между тем можно усмотреть тенденцию к внутрипарадигмной унификации показателя Рх1Sg: хронологически более новый формант закрепляется по всей парадигме, вытесняя старый. Первоначальной формой Рх1Sg принято считать суффикс *-*m*, функцию которого после его отпадения приняла конечная гласная основы (Wichmann 1923–1924: 152–153; Uotila 1933: 226; Лыткин 1977: 31; Csúcs 2005: 199). По мнению Б.А.Серебренникова, источником вокалического Рх1Sg явился уменьшительно-ласкательный суффикс, который вытеснил суффикс местоименного происхождения. Переходу суффикса более экспрессивного характера в притяжательный могло предшествовать его употребление в вокативной функции. Развив значение посессивности, суффикс в результате унификации субстантивного словоизменения стал употребляться и с косвенными падежами (Серебренников 1963: 108–110). В пользу предложенной Б.А.Серебренниковым гипотезы свидетельствует материал коми диалектов. Во-первых, Рх1Sg и суффиксальные средства выражения вокативности проявляют формальное и семантическое сходство, во-вторых, суффиксальные средства выражения вокативности представлены в каждом диалекте, кроме лузско-летского (подробнее см. Некрасова 2011), т.е. они отсутствуют в том диалекте, в котором древний Рх1Sg сохраняется во всей парадигме. О возможности развития вокативным суффиксом посессивного значения свидетельствует материал южных коми-зырянских диалектов: заимствованный из северно-русских говоров вокативный суффикс *o* в контексте с лексемами, выражающими родственные отношения, приобрел посессивное значение *ыджыд мамо* «моя бабушка» (Колегова, Бараксанов 1980: 34). Более того, в лузско-летском диалекте произошла лексикализация вокативной словоформы: лл. (Об.) *мамо* «моя бабушка» (18).

(18) лл. (Об.) *Тэй мамо лактё* «Вот моя бабушка идет» (АМ).

Остается все же неясным вопрос, могло ли формирование нового Рх1Sg и его закрепление в парадигме быть одним из факторов развития варьирования позиции Рх. Если принять во внимание особенности посессивного склонения лузско-летского диалекта, а именно: сохранение старого Рх1Sg во всей парадигме и варьирование его позиции относительно консекутива, аппроксиматива и эгрессива, то логично допустить, что разная позиционная характеристика объектных и местных падежей, варьирование позиции местных падежей восходит, скорее всего, к периоду до развития нового Рх1Sg.

2. Суффикс множественности и позиция Рх и Сх. В коми диалектах словоформы с тремя словоизменительными суффиксами встречаются крайне редко. В линейном ряду словоизменительных морфем суффикс множественности занимает крайне левую позицию. Такая позиция показателя множественности, проявляющаяся не только в финно-угорских, но и в других агглютинативных языках, мотивирована семантикой суффикса, его семантической связью с именем. Б.А.Серебренников отмечал, что «ближе к корню слова обычно располагаются суффиксы с более конкретным значением. Суф-

фиксы с наиболее общим и абстрактным значением помещаются на самом конце» (Серебренников 1970: 280). Суффикс множественности, по сравнению с другими словоизменительными суффиксами существительного, имеет более конкретное значение, указывая на множественность референтов.

Порядок следования *Sx* и *Rx* с введением показателя множественности в большинстве случаев сохраняется. Изменение порядка следования морфем наблюдается в контексте с одушевленными именами в местных падежах. Суффикс множественности *-йас*, являющийся в своем основном значении показателем аддитивной множественности, в контексте с одушевленными существительными со значением лицо выражает ассоциативную множественность, когда в референцию входит совокупность из нескольких лиц. Если в основном значении он предшествует *Sx* и *Rx*, то в ситуации выражения ассоциативной множественности отмечены две комбинации – *PIRx* и *RxPI*. Изменение позиции *Rx* относительно *PI* отражается и на позицию *Sx*, который всегда занимает крайне правую позицию (19)–(20). В данном случае можно говорить не только о проявлении варьирования позиции *Rx* и *Sx* при наличии показателя множественности, но и о семантическом взаимодействии словоизменительных суффиксов существительного: изменение позиции морфем влияет на семантику словоформы.

(19) нв. *Бам'-э-йас-ёс* *кёйэны вэлёдны* «Моего отца и других с ним хотят учить» (Сорвачева 1978: 35)

(20) вв. (П.) *Рёттим да гон'итим ыджыд мам-ис-йас-э, ыджыд бам'-ис-йас-э* «Ехали рысью, ехали вскачь к дедушке-бабушке (букв. к своим бабушкам, к своим дедушкам)» (Образцы: 66)

В печорском, удорском, присыктывкарском, нижневычегодском, средне-сысольском диалектах засвидетельствовано колебание позиции *Rx* и *Sx* при наличии показателя множественности вне зависимости от одушевленности / неодушевленности имени в комитативе, аппроксимативе, абессиве и терминативе: в единственном числе строгий порядок следования *Rx* и *Sx*, при введении суффикса множественности позиция *Rx* и *Sx* может меняться: *RxSx* (*SxRx*) – *PIRxSx* ~ *PICxRx*. Суффикс множественности делает свободнее порядок следования *Rx* и *Sx*, говорящий выбирает наиболее приемлемую с его точки зрения комбинацию *Rx* и *Sx*. Ср. фрагмент склонения слова уд. *горт* «дом» (21) (другие примеры см. в (Wichmann 1942: 369, 383, 398–399).

(21) *терминатив*

SxRx

PIRxSx ~ *PICxRx*.

1-е л. *горт-ёдз-ным*

горт-йёс-ёдз-ным ~ *горт-йёс-ным-ёдз*

2-е л. *горт-ёдз-ныд*

горт-йёс-ёдз-ныд ~ *горт-йёс-ныд-ёдз*

3-е л. *горт-ёдз-ныс*

горт-йёс-ёдз-ныс ~ *горт-йёс-ныс-ёдз*

Таким образом, наличие показателя множественности является одним из факторов варьирования позиции *Rx* и *Sx*, его действие распространяется на местные падежи, абессив и комитатив.

3. Одушевленность / неодушевленность и порядок следования Рх и Сх. Посессивные суффиксы не проявляют избирательности в сочетаемости: они могут присоединяться ко всем лексемам, что обусловлено их семантикой. Анализ словоформ с порядком РхСх ~ РхСх показал, что одушевленность /неодушевленность существительных может влиять на позицию Рх и Сх. В этой связи обращают на себя внимание окраинные коми-зырянские диалекты. В ижемском и удорском диалектах в контексте с неодушевленными существительными показатель аппроксиматива и эгрессива предшествует Рх, в контексте с одушевленными существительными Сх может стоять в пре- и постпозиции по отношению к Рх, предпочтительна последовательность РхСх (22)–(23). В ижемском диалекте такая ситуация распространяется также на абессив и комитатив (24).

(22) иж. *мам-э-лан'* «в сторону моей матери», *кэрка-лан'-э* «в сторону моего дома», *мам-э-с'ан'* «от моей матери», *кэрка-с'ан'-э* «от моего дома» (Сахарова, Сельков 1976: 51; 70)

(23) уд. *ай-ыс-лан'* «на своего отца (походит)», *горт-лан'-ыс* «к своему дому», *моски-лан'-ыс* «на тот тротуар»; *ныл-ё-с'ан'* «от моей дочери», *пур-с'ан'-ё* «с моего плота» (Сорвачева 1972: 162–163; 250–252; 70)

(24) иж. *мам-э-кэд* «с моей матерью», *кэрка-кэд-э* «с моим домом» *мам-э-тэг* «без моей матери», *кэрка-тэг-э* «без моего дома» (Сахарова, Сельков 1976: 51; 70)

Зависимость позиции аппроксиматива и эгрессива от одушевленности/неодушевленности существительного проявляется и в литературных коми языках. В коми-зырянском языке (материал из [Куратов 1979; Юшков 1981; Торопов 2003; Рочев 2007; Тимин 2012]) комбинация РхСх представлена в эгрессивных словоформах только с одушевленными существительными. В коми-пермяцком языке, судя по (Баталов; Минин 1962; Фадеев 1989; Федосеев 1994), одушевленные существительные в эгрессиве и аппроксимативе II имеют только комбинацию РхСх, неодушевленные существительные в эгрессиве – комбинацию РхСх и СхРх, в аппроксимативе – комбинацию СхРх.

В лузско-летском, среднесыольском, присыктывкарском диалектах зафиксировано развитие варьирования позиции Рх и внутреннеместных падежей в контексте с одушевленными существительными (Жилина, Бараксанов 1971: 71; Колегова, Бараксанов 1980: 31; Жилина 1985: 43). Стандартным для этих местных падежей является порядок СхРх, одушевленные существительные могут иметь также комбинацию РхСх. Следует заметить, что базовое значение внутреннеместных падежей не сочетается с одушевленными существительными, поэтому в ситуации с одушевленными существительными значение падежного показателя модифицируется (25–29).

(25) лл. *соч-ым-ын ола* «[Я] живу у своей сестры» (Жилина 1985: 43)

(26) скр. *Бат'-ыд-ын коди оло* «Кто у твоего отца живет?» (Жилина, Бараксанов 1971: 71)

(27) сс. *Мам-ыс-ын олоны* «[Они] живут у своей матери» (Колегова, Бараксанов 1980: 31)

(28) лл. *Н'инаыс чистѳ бат'-ыс-ѳ* «Нина вся в своего отца» (Жилина 1985: 42)

(29) скр. *Мам-ыс-ыс'* (*мам-с'-ыс*) *йона полѳны* «[Они] очень боятся своей матери» (Жилина, Бараксанов 1971: 69)

Приведенный материал позволяет полагать, что фактор одушевленности имени оказывает влияние на выбор позиции Рх и Сх в некоторых местных падежах. В этой связи представляют интерес наблюдения над порядком следования Рх и Сх в удмуртском языке. В грамматике Г.Е. Верещагина приведены элативные словоформы с комбинацией РхСх (30) (Удморт 1924: 37). А.И. Емельянов отмечает, «что они носят характер позднейших образований, в этом едва ли можно сомневаться. В живой речи и народной словесности в указанных падежах притяжательный суффикс обыкновенно бывает после падежного» (Емельянов 1927: 135).

(30) *Апазысь урод кыл уг пот* «Из сестры (моей) худое слово не выходит»

Апаэдысь урод кыл уг пот «Из сестры (твоей) худое слово не выходит»

Апазысь урод кыл уг пот «Из сестры (его) худое слово не выходит»

По утверждению С.В. Едыгаровой, одушевленные имена в удмуртском языке всегда имеют комбинацию РхСх (Едыгарова 2010: 116). Однако представленный в грамматических описаниях удмуртского языка материал свидетельствует о возможности реализации с одушевленными существительными обеих комбинаций РхСх и СхРх (30)–(31).

(31) пролатив: *чйужмурт-тй-м* (дядя-Prl-Px1Sg) «у моего дяди» (Яковлев 1930: 23)

4. Продуктивность посессивных суффиксов. Наблюдения над коми диалектным материалом показали, что на порядок следования Рх и Сх может оказывать влияние продуктивность посессивных суффиксов. В большинстве коми диалектов посессивная парадигма полная, дефектность парадигмы засвидетельствована в верхнесысольском диалекте и лузских говорах, где сохраняются только Рх2Sg и Рх3Sg, остальные Рх вышли из употребления (Жилина 1975: 61–62; Жилина 1985: 39–41).

В верхнесысольском диалекте, в обячевском говоре лузско-летского диалекта, а также в говоре с. Палауз среднесысольского диалекта, наблюдается свободный порядок суффиксов в инструментале (Жилина 1975: 65; Колегова, Бараксанов 1980: 33; Жилина 1985: 42). Суффиксы *-над*, *-нас*, представляющие собой контаминацию суффикса инструменталя *-на-* и посессивных суффиксов соответственно *-ѳ*, *-с*, воспринимаются как единый суффикс, который интерпретируется как показатель посессивности или падежа. В верхнесысольском и обячевском говорах дублируется значение падежа, стандартный падежный суффикс инструменталя следует за кумулятивным суффиксом инструменталя и посессивности: СхРх-Сх: *-над(-на-ѳ)-ѳн*, *-нас(-на-с)-ѳн* (32)–(33), суффиксы *-над*, *-нас* воспринимаются носителями диалектов как посессивные, к ним присоединяется стандартный суффикс инструменталя *-ѳн*, который занимает крайнюю правую позицию. В говоре

с. Палауз дублируется значение посессивного суффикса, перед кумулятивным суффиксом инструменталю и посессивности может употребляться посессивный суффикс: Rх-СхRх: *-ыд-над(-на-д)* (34). Кумулятивный суффикс здесь воспринимается как показатель инструменталю.

(32) лл. *Сочлѳн айкаыс йона куритлис **трубка-нас-ѳн*** «Свекор моей сестры постоянно курил трубку (букв. «с помощью трубки)»» (Жилина 1985: 45)

(33) вс. *Вѳдрас'ыд ваыд почлѳс'ѳ **карнан-над-ѳн*** «(Когда несешь) на коромысле, вода из ведер выплескивается»; вс. (Гр.) *Пуыс пѳрѳма **вужс-нас-ѳн*** «Дерево повалилось с корнем», вс. (Кг.) *Мийан С'ѳргѳй вис'ѳ жѳ **кор-нас-ѳн*** «Наш Сергей корью тоже болеет» (Жилина 1975: 65)

(34) сс. ***Н'ан'-ыд-над** с'а олышыны кутим* «Хлебом-то затем хорошо стали жить» (Колегова, Бараксанов 1980: 33)

В диалектах, характеризующихся отрицанием категории посессивности, кумулятивный суффикс инструменталю и посессивности воспринимается как посессивный или как падежный суффикс, в каждом случае происходит изменение позиции Rх и Сх по аналогии с позицией Rх и Сх в словоформах в объектных падежах. В данном случае можно предусмотреть и проявление агглютинативных свойств коми языка.

5. В связи с данным вопросом необходимо отметить также то, что в пермских языках посессивные суффиксы могут присоединяться не только к существительным, но к единицам других частей речи (наречиям, послелогам, инфинитным глагольным формам, местоимениям, числительным). Позиция посессивного показателя вне субстантивного склонения характеризуется устойчивостью, он занимает крайне правую позицию, за исключением некоторых местоименных форм. Такая ситуация может быть объяснена тем, что единицы, диахронически восходящие к падежным словоформам, приобрели грамматические свойства иных частей речи, поэтому падежный суффикс в синхронии уже не может быть интерпретирован как падежный. При присоединении посессивных суффиксов к таким единицам можно наблюдать, с одной стороны, сходство с субстантивными формами, в чем проявляется сохранение некоторых субстантивных черт, с другой – отличия от субстантивных словоформ, что указывает на формирование собственных морфологических свойств. В качестве примера можно привести деепричастные формы с суффиксами кз. *-игѳ* и *-игѳн*, восходящие соответственно к иллативной и инструментальной словоформам. Посессивные формы иллатива (*-ам*, *-ад*, *-ас*) и деепричастия с суффиксом *-игѳ* (*-игам*, *-игад*, *-игас*) проявляют сходство, тогда как посессивные формы инструменталю (*-нам*, *-над*, *нас*, *-наным*, *-наныд*, *-наныс*) и деепричастия на *-игѳн* (*-игѳн*, *-игѳныд*, *-игѳныс*) различны. Логично допустить возможность выравнивания позиции Rх в субстантивных словоформах по аналогии с его позицией в наречиях, послелогах, инфинитных глагольных формах, местоимениях, числительных.

Таким образом, коми диалекты в синхронии демонстрируют непоследовательные ареальные проявления различных факторов, результаты их действия в диалектах не всегда совпадают. Между тем, приведенный материал

позволяет предположить, что развитие механизма относительно свободного порядка следования морфем можно ожидать при снижении продуктивности морфемы, при изменении модели и семантики словоформы. В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на результаты исследования колебаний в порядке следования *Cx* и *Rx* в марийском языке. По наблюдениям Й. Луутонена, на выбор варианта порядка следования суффиксов в современном марийском языке влияет ряд факторов, а именно: а) функция посессивного суффикса (*Rx* в вокативной функции предшествует *Pl*; *Rx* в посессивной и определительной функциях располагается после *Pl*); б) лицо посессивного суффикса (комбинация *CxRx* доминирует в словоформах с *Rx* 1-го и 2-го л. мн.ч., в остальных случаях наблюдается комбинация *RxCx*); в) «лексический разряд склоняемого слова», т.е. частеречная принадлежность словоформы (существительное, местоимение); г) диалект (колебания *Rx* и *Pl*) (Луутонен 1996; Luutonen 1997: 199). Факторы, влияющие на структуру словоформы, в коми и марийском языках не совпадают, что свидетельствует о параллельном развитии колебаний морфопорядка в субстантивной словоформе отмеченных языков. Результаты исследования марийского языка можно использовать лишь как косвенный довод в пользу того, что разноместная позиционная реализация *Rx* относительно *Cx* в пермских языках могла быть вызвана несколькими причинами.

В финно-угорском языкознании существуют различные объяснения причин двоякого порядка *Rx* и *Cx* в пермских языках. Б.А. Серебренников полагал, что порядок *CxRx* в пространственных падежах мог развиваться под влиянием конструкций, содержащих послелоги с *Rx* (Серебренников 1963: 128). Р. Бартенс при интерпретации причин развития позиционного варьирования падежных и посессивных показателей опирается на положение Дж. Байби (Bybee 1985: 13) о взаимосвязи семантики грамматического показателя и семантики имени. Она предполагает, что разный порядок следования *Rx* и *Cx* в пермских языках обусловлен тем, что пространственные падежи, имея более конкретное значение, располагаются ближе к корню, объектные, имеющие более абстрактное значение, — дальше от основы (Bartens 2000: 117). Мнение о связи семантики падежа и его позиции в словоформе высказывалось также И.С. Галкиным в связи с объяснением порядка *Cx* и *Rx* в марийском языке: «...в субъектно-объектных падежах основное внимание уделялось субъекту или объекту, его принадлежности какому-то лицу, поэтому притяжательный суффикс оказывался до падежного окончания; в пространственно-местных же падежах, очевидно, основное внимание уделялось не принадлежности предмета, а его местоположению, направлению и т.д., что, естественно, ставило на первый план падежное окончание» (Галкин 1964: 72–73). По мнению С.В. Едыгаровой, определяющим фактором позиции *Rx* в словоформе явилась его функция: в функции грамматического согласования *Rx* стоит в постпозиции относительно *Cx*, в функции посессивного спецификатора *Rx* предшествует *Cx* (Едыгарова 2010: 111). Все предложенные объяснения имеют право на существование, однако ни одно из них

не может быть признано вполне удовлетворительным, поскольку оставляют в тени причины расхождения морфопорядка словоформ в инструментале, аппроксимативе, свободный порядок следования некоторых падежей. Позиционная характеристика инструментала, отличающаяся от позиции других объектных падежей, традиционно объясняется влиянием форм инессива. Такая гипотеза обосновывается тем, что показатели инструментала и инессива имеют общий источник происхождения, которым явился локатив **-na/*-nä* (Серебренников 1963: 116). С.В. Едыгарова считает, что «...порядку СхРх также способствует то, что имя в форме инструментала может функционировать в качестве обстоятельства, ... при этом Рх в сочетании с именами объектов неотчуждаемой семантики выполняет функцию грамматического согласования с референтом – субъектом предложения» (Едыгарова 2010: 103). В таком положении были и некоторые другие объектные падежи (генитив, датив, аблатив, консекутив), которые изначально были местными. Более того, в современном удмуртском языке аблатив и датив могут выступать в качестве обстоятельства, выражая пространственно-темпоральные отношения (Некрасова 2002: 58; 61–62; 75–78; 88). Однако порядок следования суффиксов инструментала и объектных *л*-овых падежей различается. Связана ли такая ситуация с тем, что показатели инессива и инструментала были омонимичны в определенный период развития прапермского языка или с тем, что *л*-овые падежи имеют более позднее происхождение, по сравнению с инессивом и инструментом, пока нет однозначного ответа. В этой связи отметим, что омонимичность суффиксов инессива и инструментала сохраняется в простом склонении в коми-язьвинском наречии, частично – в удмуртском языке, засвидетельствована она в коми языке XIV–XVII вв.

Вне обсуждения оставалось расхождение позиции аппроксиматива от позиции других местных падежей. Представляется, что особенности морфопорядка в словоформах аппроксиматива можно объяснить действием языковой аналогии. Формирование суффикса аппроксиматива происходило параллельно с суффиксами генитива, датива, аблатива, следовательно, его позиция в словоформе должна была быть аналогичной позиции других падежей группы. Такая ситуация наблюдается в удмуртском языке, где позиция аппроксиматива совпадает с позицией падежей группы. Вариативное следование Рх и Сх в аппроксимативных и эгрессивных словоформах может быть вызвано процессами аналогического выравнивания словоформ. Тенденция к унификации позиции суффикса аппроксиматива и эгрессива поддерживается аналогией структуры показателей этих падежей, ср. *-с'ан'* и *-лан'*. Варьирование позиции абессива с доминированием комбинации СхРх в коми-зырянских диалектах может быть объяснено влиянием на абессивную словоформу деепричастий с омонимичным суффиксом *-тöг*. В коми диалектах деепричастие с суффиксом *-тöг* может принимать все притяжательные суффиксы, кроме Рх1Sg, которые занимают крайне правую позицию (ÖKK: 390).

Таким образом, материал современных пермских языков позволяет предположить, что в период прапермского языка действовала тенденция разного

порядка следования объектных и пространственных падежей относительно посессивных суффиксов. Представляется, что в позднепрапермском языке объектные падежи и аппроксиматив располагались после Rх, пространственные падежи и инструменталь – перед Rх. Порядок следования суффиксов, в общих чертах сформировавшийся в период прапермского языка, претерпевает изменения в период самостоятельного развития языков. Скорее всего, эти изменения были обусловлены действием разных внутриязыковых факторов, из них значительную роль могла сыграть языковая аналогия. Аналогия, выступающая как значимый фактор развития и функционирования языка, постепенно видоизменяла и видоизменяет строение словоформы. Поэтому результаты действовавшей в прошлом тенденции или закономерности, если она реально существовала, могут перекрываться действием аналогии, т.е. процесса уподобления позиции одной падежной единицы другой.

Ввиду отсутствия релевантных древнекоми и древнеудмуртских текстов при определении основных тенденций развития морфопорядка субстантивных словоформ опираемся на порядок следования Sх и Rх, демонстрируемый современными пермскими языками. Имеющийся в наличии материал позволяет выделить две противоположные тенденции развития морфопорядка субстантивных словоформ: свертывание и развитие варьирования позиции Sх относительно Rх. При свертывании варьирования одна из альтернативных позиций постепенно закрепляется в речевом узусе как наиболее приемлемая. Дialectы /языки демонстрируют различные результаты этого процесса: полная или частичная унификация позиции Sх относительно Rх (табл. 1, 2, 3). Свертывание варьирования с полной унификацией позиции Sх относительно Rх наблюдается в удмуртском языке. Такое заключение можно сделать ввиду отсутствия в современном удмуртском языке варьирования позиции аппроксиматива, терминатива и пролатива, тогда как еще в начале XX в. отмечалась возможность варьирования позиции отмеченных падежей. Свертывание варьирования с частичной унификацией позиции Sх относительно Rх демонстрируют коми-зырянские диалекты. Показательны в этом отношении позиции абессива и аппроксиматива в присыктывкарском диалекте, а также эгрессива в верхневыхегодском и печорском диалектах. Во многих коми-зырянских диалектах наблюдается частичное устранение варьирования, т.е. в зависимости от лица и/или числа Rх порядок следования падежа строгий или свободный. Параллельно с процессом свертывания наблюдается противоположный процесс: развитие варьирования позиции внутреннеместных падежей и инструменталья в коми-зырянских диалектах. Установление хронологии развития позиционного варьирования абессива и местных падежей не представляется возможным. Для коми языка можно прогнозировать, с одной стороны, последующее выравнивание позиции аппроксиматива, эгрессива и абессива по аналогии их позиции в структуре послелогов, наречий и деепричастий, с другой стороны, тенденция к утрате категории посессивности в некоторых диалектах может привести к развитию варьирования позиции Rх и Sх относительно друг друга. На сегодняшний

день тенденция развития морфопорядка субстантивной словоформы не имеет ясно очерченного направления, поэтому результаты ее действия различны и во многом неопределенны.

Сокращения

Коми-зырянские диалекты: вв. – верхневычегодский; вс. – верхнесольский; вым. – вымский; иж. – ижемский; лл. – лузско-летский; нв. – нижневычегодский; печ. – печорский; скр. – присыктывкарский; сс. – среднесольский; уд. – удорский.

Коми-пермяцкие диалекты: ки. – кудымкарско-иньвенский; кк. – косинско-камский; мл. – мысовско-лупынский; ни. – нижеиньвенский; оньк. – оньковский.

Источники

Баталов В.Я. Ёктём проза [Электронный ресурс]. – URL: www.Fulib.ru
Герд К. Зарни кылчуръёс: Кылбуръёс, поэмаос. Ижевск, 1997.

Евангелие от Матфея на северном диалекте коми-пермяцкого языка. Лондон, 1866.

Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке. СПб., 1882.

Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005.

Климов В. Гавкалён бедь. Кудымкар, 1968.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. Ижевск, 1981.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990.

Куратов И. Менам муза. Сыктывкар, 1979.

Минин И. Чёвпан мыс дын. Кудымкар, 1962.

Образцы коми-зырянской речи / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1971.

Перем коми отирлён висътасьём [Электронный ресурс]. – URL: www.Fulib.ru

Попов – Выддемъ коми отиръ челядь понда / Сост. Е. Попов. Казань, 1904.

Пушкин – Пушкинъ А.С. Сказка о рыбацъ и рыбкѣ. На пермяцкомъ языкѣ. Изд. св. Іа.В. Шестакова. Казань, 1899.

Рочев Е.В. Кёрысь тэрыбджык. Повесьт. Сыктывкар, 2007.

Тимин В. Биармияса викинг. Сыктывкар, 2012.

Торопов И. Ётувтём гижодъяс. Т. 1. Висьтъяс, повесьтъяс, кывбуръяс. Сыктывкар, 2003.

Фадеев Т. Ыбшар. Кудымкар, 1989.

Федосеев С. Съёд цветтэз. Кудымкар, 1994.

Чисталев В. Ния. Сыктывкар, 2010.

Юшков Г. Чугра. Сыктывкар, 1981.

Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 561–592.

Алатырев В.И. Падежи в удмуртском языке: Тез. I республ. языковой конф. Ижевск, 1937.

Архипов Г.А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 3–46.

Баталова Р.М. Онъковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. М., 1990.

Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.; Гамбург, 1995.

Баталова Р.М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.; Гамбург, 2002.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка: Учебн. пособие для студентов. Йошкар-Ола, 1964. Ч. I: Морфология.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): Дис... к. филол. н. Йошкар-Ола, 1998.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010.

Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.

Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998.

Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.

Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для вузов. Кудымкар, 1962.

Луутонен Й. Вариация в порядке флексивных суффиксов марийского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. P. III. Phonologia. Morphologia. Juväskylä, 1996. С. 153–157.

Лыткин В.И. Коми грамматика. Сыктывкар, 1925. Ч. 1.

Лыткин В.И. Материалы по коми грамматике (обоих наречий). М., 1929.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Лыткин В.И. Историческая морфология коми языка: Учебн. пособие. Пермь; Сыктывкар, 1977.

Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.; Л., 1940.

Некрасова Г.А. Система *l*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002.

Некрасова Г.А. Вокатив или посессивный суффикс: интерпретация средств выражения вокативности в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2011. № 2. С. 185–194.

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1970.

Основы – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

ОЖК – *Лудыкова В.М., Некрасова Г.А., Попова Э.Н., Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А.* Ония коми кыв. Морфология. Сыктывкар, 2000.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.

Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1849.

Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования: Дис. ... к. филол. н. Сыктывкар, 2004.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

СКЯ – Современный коми язык. Ч. I. Фонетика. Лексика. Морфология / Под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.

Сорвачева В.А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. Сыктывкар, 1972 // Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 92.

Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.

Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.

Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. (Историко-филологический сборник. Вып. 10).

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М., 1970.

Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.

Удмурт. Руководство к изучению вотского языка. Ижевск, 1924.

Федюнева Г.В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. Сыктывкар, 1992. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 294).

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Яковлев И.В. Удмурт кылрадъян. Ижевск, 1930.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000.

Bybee J. Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Fokos-Fuchs D.R. Grammatikalischer Abriss // Wotjakische Chrestomathie mit Glossar von Y. Wichmann. Helsinki, 1954. S. 135–166.

Honti L. Zur Morphotaktik und Morphosyntax der uralischen/finnisch-ugrischen Grundsprache // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. P. I. Jyväskylä, 1995. S. 53–82.

Luutonen J. The variation of Morpheme order in mari declension. Helsinki, 1997.

Uotila T.E. Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen. Helsinki, 1933.

Uotila T. E. Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen // Nyelvtudományi Közlemények 50, 1936. S. 464–476.

Wiedemann F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St. Petersburg, 1884.

Wichmann J. Zur permischen grammatik // Finnisch-Ugrische Forschungen 16. Helsinki, 1923–1924. S. 146–163.

Wichmann J. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Helsinki, 1942.